

INDUSTRIAL.

ПАРАДИГМА
ПОЛИТЕХА

Имя Александра Подопригоры не нуждается в пояснениях и определениях типа «политолог, публицист, журналист, блогер»... Они только сужают, ограничивают этот феномен условными рамками. Для читателей *БК* ценность его текстов — «Пакт Моисея» в *БК* 1 и «Апокалипсис големов» в *БК* 6 — заключается в способности автора генерировать новые смыслы и выстраивать общий план актуальных проблем современности, общую картину происходящего здесь и сейчас...

Сегодня — во время реальных геополитических катаклизмов — пора перестать болтать о чепухе и частностях. Надо определяться с главным. Кризис — лучшее время для самоопределения. Когда сильно «прижимает», приходится думать о сути угроз. У нас больше нет никакой возможности еще немного поспать. Признаем очевидное: главная проблема Челябинской области — *провал в конкурентоспособности*. Начиная с промышленного производства, экономики в целом и заканчивая всеми сферами социума, — налицо тотальная потеря конкурентоспособности. У нас все меньше того, что можно предложить миру, чтобы в обмен получить товары, предметы потребления, за которые мы платим все больше. Мы теряемся в определении своей идентичности — *кто мы, что мы делаем, зачем и кому мы нужны?* Отсюда вырастают все остальные проблемы, но могут прийти и потенциально прорывные решения.

1. Нет смысла трогать политику как таковую — у нас ее нет по определению. Нет ни в стране, ни в регионе. Политика — это конкуренция. За голоса избирателей, за признание элит. А она предполагает регулярную смену лидеров, что не заложено в нынешней российской матри-

Плакат из журнала «СССР на стройке». ЧТЗ. 1933 г.

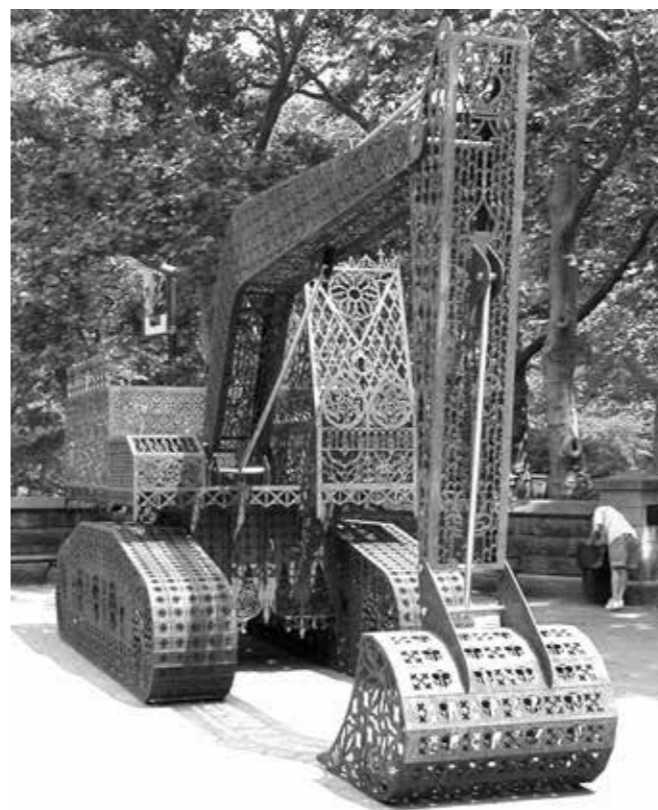
це власти. Поэтому сейчас мы либо углубимся в разговоры об актуальных задачах демократической оппозиции, либо оставим тему. Она сегодня для региона не главная и даже не второстепенная — а просто никакая...

Что такое провал Челябинской области в экономике? Как ни крути — металлургия по-прежнему ее основа. Ее процветание в минувшие годы зиждилось на экспортном потенциале, достаточно серьезном. Наши крупные компании, флагманы капитализма, приносили валютную выручку. А потом произошло несколько событий, включая кризис в западном мире, который пошел на спад (в Америке наблюдается приличный рост) и привел к тому, что наша продукция стала менее востребованной. На рынок вышел Китай со своими трубами, своим металлом — китайцы в двадцать раз увеличили производство. Их продукция оказалась примерно того же качества, что у нас, но значительно дешевле, и китайцы вытесняют челябинский металл с мировых рынков, что сильно сказалось на доходах, на прибыльности. Уже пять лет назад даже в нашей области предпочитали китайские трубы, хотя тут свой трубный монстр — ЧТПЗ. Теперь начал «сыпаться» из-за долгов металлургический гигант — «Мечел»...

Только легендарная «Магнитка» остается оплотом металлургии — хотя за прошлый год показала 77,5 миллиарда убытков. Вроде сейчас дела пошли лучше, но надо понимать, что эта видимость от нездорового влияния падения курса рубля — за тот же объем продукции ММК выручка гораздо больше в пересчете на рубли.

Наши промышленники (публичные их представители, вроде Валерия Гартунга) давно ратовали за снижение курса рубля, иначе производство встанет. И вот мы видим, что доходы металлургических компаний увеличились, но это условный рост — где-то он дает плюс, а где-то минус. Происходит падение реальных доходов населения, оборотов в розничной торговле, в кризисе малый и средний бизнес, строительство — то есть страдают все отрасли экономики, кроме экспортно-ориентированных. Но и там рост обусловлен внешними причинами и от нас не зависит. А большую игру ведут арабские шейхи, США, Иран, Китай. Они диктуют свои правила на мировом рынке...

2. И мы в их правила все чаще не вписываемся. Пять-шесть лет назад «сдулся» Ашинский химзавод, который входил в десятку крупнейших предприятий области по объемам продаж. Почему? На его европейские рынки вышли китайцы. Они в два раза снизили цены на анало-

Вим Дельвуа. Серия «Caterpillar». Бельгия

Вим Дельвуа. Серия «Caterpillar». Бельгия

гичную продукцию. Примерно та же картина и на «Мечеле», а про ЗМЗ и более мелкие заводы и говорить нечего. Потеря конкурентоспособности в металлургии и трубной промышленности (а машиностроения у нас фактически нет) резко подкосила экономику региона не только в доходной части — но и с точки зрения перспектив. Рынки потеряны, и вернуться на них крайне сложно. Ну не пустит Китай на рынки, которые он занял, а высокотехнологичные сектора мы и без кризиса никогда не контролировали. Однажды экс-губернатор Юревич бросил в сердцах что-то вроде «Никому мы на фиг не нужны» — и он был абсолютно прав. Что мы еще производим, кроме металла и руды?

Да, сегодня крайне неоднозначной представляется история с Томинским ГОК. Гигантские карьеры рядом с городом-миллионником, обогащение руды... Это не для слабонервных. Но что взамен? Наша область именно металлургическая и добывающая — и ничего более существенного в ней нет. Кто-то может быть очарован «новаторским» проектом ТПК «Южноуральский», большим складом китайских товаров. Да, китайцы вкладывают инвестиции в *свое продвижение на наш рынок* — и еще сильнее подрывают конкурентоспособность оставшейся в живых южноуральской промышленности. Вектор процесса именно таков.

3. Об образовании. Челябинские вузы сегодня не попадают даже в сотню лучших в стране. Это потеря конкурентоспособности теперь уже в постиндустриальном укладе, который у нас больше имитируется, нежели реально функционирует. Наша «экономика знаний» превращает челябинские вузы в фабрики по выдаче низкорейтинговых дипломов. Нынешний ЮУрГУ славился, когда он был Челябинским политехническим институтом. Политехническая культура считалась «визитной карточкой» области, отражала уральскую идентичность технарей-изобретателей, мастеровых людей, инженеров. Теперь в ЮУрГУ открыли коммерческое производство дипломов любого образца — от юристов и журналистов до маркетологов и всяких там менеджеров гостиничного хозяйства! Можно вспомнить печальную историю

ракетно-космического факультета, на шумевшую драму профессора Юрия Павлюка и тому подобное. Да, у нас есть еще технологии и разработки в ядерных и ракетных центрах, но это отдельная история, причем не столько региональной, сколько федеральной компетенции.

Кстати, в России теперь выстроено жесткое унитарное государство, которое условно только называется федеративным, но все регионы «заточены» под Москву, и уже крупные города встраиваются в «вертикаль власти». Однако, есть основания полагать, в обозримом будущем эти тенденции сменятся на прямо противоположные. Тот кризис, в который мы уже вошли, приведет-таки к повторению ситуации, когда, обращаясь к регионам, Борис Ельцин заявил: «Берите суверенитета столько, сколько сможете переварить». Тогда и появится шанс создать федеративное государство ровно в соответствии с Конституцией РФ. Мы придем (нужда заставит) к пониманию, что в основе федерации лежат именно регионы — разные по содержанию, устойчивые изнутри и непременно конкурентоспособные!

К пониманию азбуки подтолкнет кризис административно-сырьевой системы. Вдруг окажется, что губернатору больше незачем ехать в Москву с протянутой рукой — нечего в нее положить. На наших глазах стремительно проедаются резервные фонды. Еще годик низких цен на нефть и падающего рубля — и раздавать будет нечего. Регионы должны быть самодостаточными, способными решать свои социально-экономические проблемы. Бизнес должен искать источники саморазвития, а не основываться на лоббизме, преференциях или особых федеральных программах.

И у регионов должны быть права и полномочия для освоения собственных ниш на мировом рынке и для привлечения инвестиций — что для нашего региона крайне непросто. Здесь такой климат, что надо много вкладывать в обогрев производственных помещений; у нас достаточно дорогая рабочая сила для развивающихся рынков, при

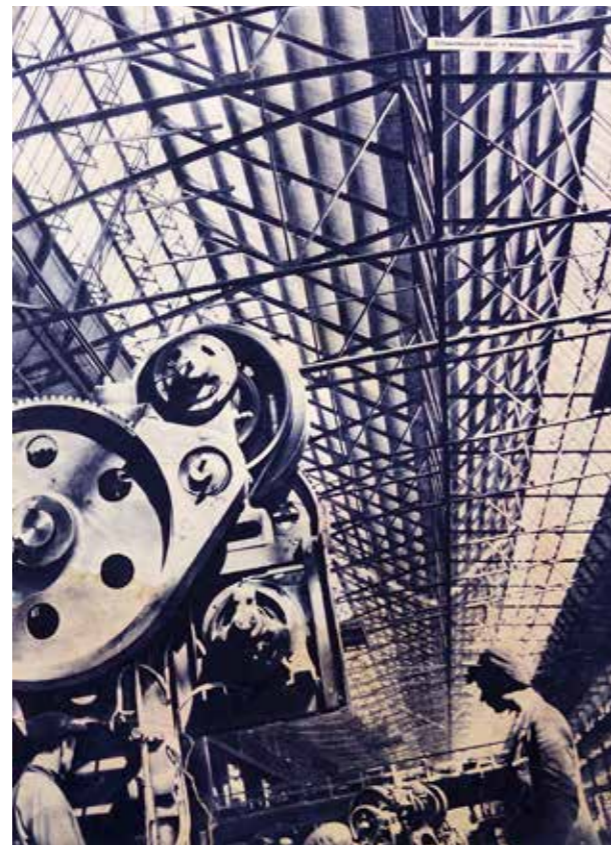

Иллюстрация из журнала «СССР на стройке». ЧТЗ. 1933 г.

том что значительно снизилась квалификация работников. А еще огромные издержки на коррупцию, бандитов, чиновников, полицию, политические риски. Мы не конкуренты по инвестиционной привлекательности ни Индии, ни Китаю, ни Таиланду. Поэтому инвестиций и нет.

4. «Экономический анализ» в правительстве региона проводится архаично, по старым лекалам. Берутся основные показатели (тот же ВРП, производительность труда, динамика прибыли, размеры зарплат, объемы товарооборота и т.п.), и *прикидывается*, как они будут вести себя завтра-послезавтра на основе пролонгированных вчерашних тенденций. Далее строятся какие-то кривые, тренды, не учитывающие ни настроение людей, ни какие-то случайные события, способные все в одночасье изменить. Мы живем в придуманном мире, откуда-то взятом — частично из прошлого, частично из предвыборных агиток, частично из фантазий и заблуждений чиновников и политиков, из дурной публицистики. И каждый раз зима и кризисы приходят к нам неожиданно.

А драма еще в том, что нам никуда не деться от глобальной конкуренции, которую мы очевидно проигрываем, как в свое время динозавры проиграли маленьким ящерам и земноводным. Поэтому мы просто вынуждены придерживаться тенденции на регионализацию, на *глокализацию*, как сочетание глобальных трендов и локальной идентичности, местной специфики, важной для мирового рынка. В геополитическом кризисе смогут выжить регионы, способные производить нечто уникальное в контексте экономики, культуры, интеллектуальной продукции.

Иллюстрация из журнала «СССР на стройке». ЧТЗ. 1933 г.

Кстати, странными выглядят попытки региональной власти найти свое место в чисто экономическом плане, поменяв какие-то приоритеты или сдвинув их «вручную». А вот давайте прорывной отраслью в Челябинской области сделаем туризм?! Южный Урал, при всех его природных красотах, никогда не будет туристической Меккой уже по причине сурового климата, отсутствия исторических достопримечательностей, развитой инфраструктуры... Год назад я был в Хорватии в Сплите. Там сохранился дворец Диоклетиана (III век н.э.), одного из последних римских императоров. Дворец настолько велик, что в его стенах помещается почти весь Старый Город. Стоит он на берегу Адриатического моря. Замечательный климат, прекрасная погода, чистое море, толпы туристов. Таких «фишек» в подобном привлекательном сочетании у нас нет и не будет: ни Диоклетиана, ни Адриатического моря, ни теплого солнышка... Но и при таких прелестях хорваты живут бедновато. Хотя все их конкурентные преимущества сочетаются там с толковым, работающим, малопьющим народом. А все равно этого недостаточно для создания достойного уровня жизни населения даже в небольшой стране, но на основе одного туризма. А что уж нам-то говорить про туризм?!

5. Строить серьезные основания для нашей конкурентоспособности надлежит с... культуры и образования. А у нас эти «отрасли» прозябают на бюджетных задворках. «Да, да, культура, образование — это важно, но...» Далее следует ссылка на нехватку денег и насущные надобности в других сферах типа: ЖКХ, малый бизнес, безработица, трудовая миграция, экология и т.п. Но именно в образовании и в общей культуре кроется наш потенциал конкурентоспособности, который можно переформатировать в *парадигме политехнического образования*.

Весьма прискорбно, что деиндустриализация Челябинской области состоялась: машиностроение практически потеряно, за исключением специфических вещей, связанных с атомным производством и ракетостроением. Но эти специфические отрасли экономически не могут вытащить регион в целом. Разве что в сочетании со значительным в интеллектуальном отношении процессом, способным воспроизвести синергетический эффект. Поэтому для формирования региональной идентичности и обретения конкурентных преимуществ мы просто обязаны отчасти возвращать и заново формировать *политехническую ориентацию* как специфику Уральского региона.

Политехническая культура — это много больше, чем просто история крупных производств. Обдумывая желаемый образ будущего региона, никуда не деться от индустриальной истории. Да, сначала здесь были степи, потом построили крепость, провели железную дорогу... Нако-

Вим Дельвуа. Серия «Caterpillar». Бельгия

нец, начиная с ЧТЗ и Магнитки, с Великой Отечественной войны, когда сюда эвакуировали массу промышленных производств и профессиональные кадры (рабочих, технарей, инженеров, управленцев), — Южный Урал стал символом индустриализации в стране и даже в мире.

Люди, появившиеся здесь в тридцатые годы XX века, были ориентированы на промышленное производство, на техническое и технологическое обучение на сложную технику: танки, тракторы, станки, машины, нестандартное оборудование. Техническая интеллигенция и квалифицированный рабочий люд с руками и головой стали нашим самым мощным потенциалом. И если мы говорим о возрождении индустриальной культуры, причем не столько ее материально-производственной доминанты, сколько образовательно-культурной, — то надо думать именно о том, что за нас это уже один раз сделала сама история...

Вим Дельвуа. Серия «Caterpillar». Бельгия

6. Речь идет не о возрождении производства тракторов на ЧТЗ или пролетарского образа жизни. Но есть некий культурно-психологический стержень, образ, матрица, в ячейках которой строится региональное сообщество и его представление о себе, придающее мотивацию к развитию. Например, что для Америки — Лос-Анджелес? Это богема, кино, сценарии, звезды, досуг, море. Что такое — Детройт? Промышленность, автомобили, труд, упадок и надежда на новое возрождение того, что было предметом гордости. А Нью-Йорк? Это Манхэттен, искусство, литература, музеи, галереи, разгул демократии и толерантности, творчество и политика. Техас? Нефть и ковбои, южный моральный консерватизм, гигантомания и хайвеи в пустыне. Сан-Хосе и далее? Силиконовая долина, инновации, технологии будущего, виртуальный мир. Мы можем уверенно судить и о Москве, Питере, Новосибирске, Владивостоке... Но что такое Челябинск сегодня? Нам бы хотелось иметь основания считать: это лучшие в стране политехнические кафедры, «яйцеголовые» технари, компьютерщики, мастеровитые потомственные рабочие и инженеры. А еще — это место притяжения для российского и мирового индустриального искусства; современное, трезвое, технологичное мышление элиты и лучший физико-математический лицей страны... Кое-что из этого перечня у нас уже есть, не правда ли?

В мире набирает популярность *индустриальное искусство*, пользующееся устойчивым спросом в определенных (развитых!) странах или регионах. У соседей-свердловчан готовится уже третья индустриальная биеннале современного искусства с зарубежными «звездами». Это чрезвычайно интересная и содержательная затея при энергичной поддержке администрации губернатора. И Челябинск мог бы провести серию фестивалей индустриального искусства, начиная от живописи и заканчивая industrial-роком — от Луиса Лозовика до Жерара Триньяка. Они стали бы событиями не менее резонансными, чем чемпионат мира по дзюдо, который, кстати, потряс воображение всех любителей и знатоков борьбы! И индустриальное искусство может быть особенно органично внутреннему содержанию и истории региона. У нас масса возможностей для подобных шоу: пустынные корпуса предприятий, огромные территории — один «Станкомаш» чего стоит! Или ЧТЗ, АМЗ... Можно проводить рок-концерты, выставки инсталляции, живописи... заявиться в мире как «евразийский центр индустриального искусства», что будет способствовать смене имиджа региона, а точнее — возврату его естественного образа, вытекающего из истории и самосознания живущих здесь людей, способных ощутить себя как уникальную, интеллектуально оформленную культурную общность.

Иллюстрация из журнала «СССР на стройке». ЧТЗ. 1933 г.

7. Через подобные метаморфозы прошли известные западные города, которые в одночасье утрачивали смыслы индустриальной эпохи — Бирмингем, Манчестер, Питтсбург и прочие. Детройт сейчас возрождается именно на этом пути, обретая новые смыслы, ценности и ресурсы не вопреки, а на базе своего индустриального прошлого, превращая умершее материальное в некий новый, живой культурный продукт, образ. Несколько американских миллиардеров сознательно и в соответствии со своими бизнес-интересами заново возвращают Детройт к жизни. Они построили внутри города бизнес-центры, вокруг них городки с заново созданной структурой досуга, культуры, сервиса. Перевели для их обслуживания тысячи сотрудников своих фирм. Новая среда в легендарном городе стала очень привлекательной для специалистов и молодых семей уже потому, что тот суперсовременный образ жизни, который можно вести в Детройте на \$3000, на Манхэттене будет стоить \$13 000.

Примерно так можно переформатировать и наши провинциальные города, насытив их привлекательной культурной средой обитания, которая позволяет поддерживать высокий уровень жизни и потребления населения, обладающего меньшими доходами, нежели в столицах. Одно дело — ты в Москве получаешь \$2000-3000, и совсем другое — в Челябинске. И сюда потянутся люди из центральных городов, будет реально развиваться наша знаменитая *конурбация* с Екатеринбургом. Это ведь города близкие не только географически, но и по эконо-

мической специализации, и по мироощущению. Здесь может быть общий рынок недвижимости, труда, досуга. А при создании скоростной железной дороги возникнет суперагломерация, перспективная и значимая на карте мировых рынков.

«Детройтский» вариант вполне возможен в Челябинске в сочетании с усилением именно политехнического образования. Конечно, вряд ли возможно затолкать ЮУрГУ обратно в ЧПИ, но реально выработать серьезную программу либо на базе одного из вузов, либо сформировав межвузовский учебно-исследовательский центр (а при нем музей и галерею). Несколько челябинских вузов находятся практически в «разобранном» состоянии и с невнятными перспективами. Они фактически перестают исполнять образовательные и культурные функции. Кстати, ведущий американский (и мировой) технический вуз расположен не в Нью-Йорке, Вашингтоне или в Чикаго, а в скромном по величине штате Массачусетс. Но это мировой стандарт технологического образования и именно он заставляет мир с уважением говорить о Массачусетсе (там, правда, еще и Гарвард есть — с 1636 года).

Сегодня наши земляки «вкальывают» в Силиконовой долине, в каком-нибудь Google, преподают в западных университетах... Они могли бы откликнуться на идею организации совместных образовательных программ при государственной инициативе или поддержке губернатора. Мы пока еще живем в открытом мире — поэтому вполне реальна работа западных специалистов в институте, сориентированном на подобные программы обмена, лекционные курсы, круглые столы, неформальное общение... Это все равно живой процесс адаптации региона в глобальном рынке. Если здесь могут готовить специалистов, востребованных в Силиконовой долине, значит, надо создавать условия для их работы и на родине. И тогда Челябинск проявится на мировой карте образования и культуры, а далее и экономики.

Еще раз упомянем чемпионат мира по дзюдо, проведенный в Челябинске в августе 2014 года. Шоу получилось выдающееся. По свидетельству знатоков, никакие недавние чемпионаты в Роттердаме (2009), Токио (2010) или Париже (2011) даже не стоит сравнивать с челябинским. А почему? Там, на Западе и даже на родине дзюдо в Японии, давно все предельно рационализировано, каждый евро посчитан. Кстати, и здесь было что считать: в том же Парке дзюдо вокруг «Трактор-арены», кроме массы культурных мероприятий, процветала и коммерция — сколько там продали еды и напитков, маечек, фенечек, книжек... Не говоря о том, что все билеты на трибуны были проданы до начала турнира. Возможно, у нас так круто получилось, потому что дзюдо в России — зона особого внимания власти, а значит, и бюджетных вливаний. Но в нашей ситуации это можно считать благодарным вложением, исключая какие-то излишества и понты. Подобные затраты возмещаются позитивными

Кэл Лейн. Канада

имиджевыми сдвигами — не с точки зрения пустопорожнего пиара про «край, где сбываются мечты», а на реальных основаниях, на резонансном факторе качественной организации события. Если Челябинск есть на мировой спортивной карте, значит, он может появиться в искусстве и образовании. И это мощно притягивает ресурс.

8. В России всегда избыточное значение имеет власть, административный ресурс. В Челябинске готовились к тому, что на чемпионат мира по дзюдо должен прилететь президент Путин. Поэтому, как бы, и не грех побольше вбухать в такое событие. Понятно, в другие сферы культуры — типа фестиваля современного искусства или industrial-биеннале — бюджетных вливаний не будет. Наверняка никто в региональной власти об этом и не задумывается, хотя наряду с «мужским» спортом (дзюдо, хоккей) и современное искусство могло бы быть уместным для корректировки имиджа региона и привлечения инвестиций. Подобно английским, американским или французским хиппи, которые едут на Гоа, в глубинную Индию и Тибет, — любители индустриального искусства могли бы принести сюда новые идеи и представления о современном мире. И реально способствовали бы наращиванию капитализации региона.

Вспомним, кстати, *стимпанк* — художественное направление, до сих пор переживающее Викторианскую эпоху пара, механизмов и аппаратов вроде дирижаблей. Это целое направление в искусстве — такое полуфанта-

зийное и постиндустриальное. Его эстетика до сих пор является источником оригинальных идей, технологических и художественных, — для кино, живописи, анимации, архитектурных проектов. Хотя, казалось бы, где современность, а где Викторианская Англия? Но и Челябинск способен стать центром постиндустриального искусства, способен реанимировать свои художественные школы вместо того, чтобы торговать шкатулками из африканского малахита, потому что своего уже нет.

Наверное, на фестиваль искусств наш президент и не приедет — но обязательно приедет какой-нибудь нынешний идол. Ну, скажем, Бенедикт Камбербэтч, что будет еще круче для молодежи. Кто у нас в стране самый богатый? Нет, не какой-то там олигарх — а все население России. Если по отношению к актуальному искусству спровоцировать массовый спрос, скажем, молодежной среды — на этом можно серьезно заработать. Наши промышленные объекты, пришедшие в упадок, могут оказаться вовсе не дряхлыми развалинами, а фундаментом постиндустриальной эпохи. И тогда старые трубы, грязные роботы станут культурной основой для новой реальности, а не позорным «отстоем».

К сожалению, сегодня наш регион в значительной степени живет с ощущением безнадеги. И именно поэтому крайне важно уловить, что индустриальная эпоха не просто закончилась, а она перетекает во что-то другое. Например, тот же айфон есть следствие индустриальной эпохи, как и современный сверхскоростной поезд в Японии или Франции. И, скажем, Германия, имеющая сегодня мощный постиндустриальный уклад и передовое профтехобразование, понимает: индустриальная эпоха не прошла даром. Наша современная культура тесно связана с советской промышленной культурой, у которой, кстати, много общего с американской. Мы стыдливо позабыли, что строительство и запуск Магнитки и ЧТЗ были бы невозможны без участия американских инженеров, управленцев и рабочих, поскольку в тридцатые годы Сталин сотнями закупал американские заводы. А в двадцатые годы мы испытали мощный культурный импульс от русского авангарда, который возник после жестоких революционных и социальных потрясений. Именно русский авангард и его звездные идолы вроде Маяковского, Малевича, Родченко, Филонова вдохнули новые смыслы и энергию в «импортированную» индустриализацию, создав бесподобный советский культурный феномен.

И мы до сих пор живем этим затухающим импульсом, органично наложившимся на мистическую традицию понимания Урала как края «черных», но просветленных мастеровых, добывающих из земных недр руду, а из руды — самоцветный «камень знания». А еще благодаря «подвигу тыла» в годы Великой Отечественной мы продолжаем идентифицировать себя «опорным краем державы». Очень любопытно пишет об этом профессор Татьяна Круглова из Уральского госуниверситета, видя-

щая «репрезентацию хтонических сил в искусстве Урала» в особом пристрастии таких художников, как Павел Бажов и Александр Бурак, к теме добычи руды из недр земли.

«... Уральская идентичность складывалась на совмещении горнозаводской и социалистически-индустриальной социальной мифологии. Близость и преемственность этих двух мифологий создавали для саморепрезентации Урала, как могущественного индустриального города-героя, основания, переживаемые как «естественные». Культурная память и коллективное уральское бессознательное не дают симптомов ломки или травмы модернизации, характерных для аграрных общностей. Для людей, живущих на Урале, всегда важно было осознавать, что здесь кроется какая-то очень мощная сила и энергия, равной которой больше нигде нет. Страна не могла выжить без Урала, и поэтому наша тяжелая жизнь здесь имела смысл. Эта энергия — не природного происхождения, она напряженно, с затратами физических и волевых усилий создается людьми с утомленными, несколько угрюмыми, перепачканными пылью лицами. Они кажутся вылепленными из той же суровой материи, что и горная порода, которую они добывают и перерабатывают, работа на машинах и станках — их естественное состояние, жизнь на заводе или руднике — привычная и органичная среда обитания...»

Нам крайне необходимо сейчас, в постиндустриальном XXI веке, вложиться в возрождение того самого мироощущения, культурной традиции и образности. И как первый шаг — организовать серию выставок советского искусства, международного индустриального искусства, компьютерных проектов. Они будут интересными современной публике, лояльной к виртуальной мистике художественного творчества и взыскующей собственных, местных корней — возможно, для их последующего экспорта. Подобная стилистика при разнообразии форматов «грозит» большим международным успехом для конкретных участников и позитивным резонансом для территории.

Почему крупнейшая американская компания Emerson давным-давно купила приборостроительное производство нынешнего «Метрана»? Они пришли к нам и очень четко вычленили, что здесь есть и что можно брать... И взяли, на их взгляд, самое перспективное. И это важное производство ныне живет, развивается — оно включено в глобальный рынок, имеет свое особое, прочное место. Понятно, что нашим нуворишам гораздо выгоднее было бы самим раздербанить десяток заводов, продать их на металлолом и получить живые деньги, чем отдавать всяким там американцам, которые умудрились производство сохранить и развить.

9. Проблема в том, как можно перешагнуть через определенную эпоху и вернуться к индустриализму и постиндустриализму, политехнической сфере на новой

Кэл Лейн. Канада

основе и на инвестициях в образование и сопутствующие культурные концепты. Понятно, что университет — не просто учебные корпуса и студенты. Это кампусы, досуговые центры, дискуссионные площадки, субкультурная среда, обустроенные территории. И все надо сознательно строить в прямом смысле слова. А что сделали в Челябинске? Застроили огромный перспективный район вокруг ЧелГУ примитивными крашеными «панельками», назвав сие творение на английский манер «АКАДЕМ riverside» и создав там глубоко чуждую науке и культуре социальную среду, тем самым поставив жирный крест на перспективах развития университета.

Впереди еще великое строительство вокруг ЮУрГУ — гостиницы, коммерческие подвалы, обширные парковки прямо в сосновом бору. И при чем здесь университетская территория со своей субкультурой, которой просто физически нужно место, особым образом обустроенное. Вот та граница, где сталкивается будущее с прошлым, — и прошлое у нас, очевидно, побеждает, исходя из своих дремучих, архаичных смыслов и коррупционных мотиваций.

Роль власти должна проявиться именно в организации системы образования, поскольку на этапе становления образование не может зарабатывать на свое содержание. Это не сеть пивных ларьков, которая может расширяться за счет прибыли. Мы, даже рядовые наблюдатели, прекрасно видим, как миллионы бюджетных рублей уходят частным фирмам и МУП, которые проводят крайне сомнительные поставки бюджетным учреждениям, потом банкротятся, а бюджет еще и платит по их долгам! Зато на образование и науку денег у власти нет. В поминании тех же городских чиновников, например, земли университетов — это не «территория будущего», а просто земельный отвод, на котором можно построить доходный дом. Всё. И вместо концентрации ресурсов на главных направлениях мы видим сугубо реактивное поведение власти на очередные эксцессы...

Подменять сегодня определение действительно стратегических направлений развития региона попытками строить какие-то чисто экономические программы типа «Стратегии-2020», да еще вокруг такой подозрительной идеи, как «удвоение ВРП», — крайне опасно. И чего

он — этот ВРП — вдруг удвоится? И что вообще значит ВРП для конкретного человека? Что у него удвоится к 2020 году? И кто вообще верит в подобные прожекты, громко артикулируемые властью? Это такая фигура речи, пиар-продукт, листовочка. Тем не менее сами-то чиновники склонны верить в сказки, которые они сочиняют «для народа» в своих пресс-релизах, телесюжетах и т.п. Они смотрят на себя и радуются: ну как же все так ловко воплощается в придуманную ими жизнь. Однако все эти бессмысленные пиар-фантомы не заряжают общество победительной энергией и не проникают в душу каждого его члена особым, прочувствованным доверием к власти...

10. Френсис Фукуяма написал толстую книгу «Доверие», где показал, что доверие есть основной двигатель современной экономики. Есть у людей доверие к каким-то прогнозам, планам, маркам, товарам, компаниям, руководителям и работодателям — и тогда они эффективно трудятся, экономика развивается, социум и институты крепнут, богатеют. Нет у человека доверия — показатель его экономической и общественной активности стремится к нулю. И у всего общества, внутри которого нет доверия ни к лидерам, ни к институтам, ни к валютам, — не может быть веры в будущее. Доверие — главный социальный капитал. Степень доверия внутри общества — показатель его общей капитализации. И мы возвращаемся к теме глобальной конкурентоспособности страны и региона, поскольку атмосфера сейчас такая, что *никому нельзя верить*. Ну и как можно на такой базе развивать серьезные бизнес-проекты и строить экономическую стратегию?

Да, в англо-саксонской культуре ключевую роль играют право, юридически состоятельные документы, договоры и проч. Однако все равно даже в самом полном и объемном договоре все тонкости и нюансы не пропишешь. Да и бессмысленно это. По большому, гамбургскому счету, в системе подлинных ценностей во главе угла лежит Доверие. А оно зиждется на репутации. Что такое *Microsoft, Google, Apple*? Это определенное представление о качестве, исключаящее обман, — это честность в отношениях с потребителями, с контрагентами, с аудиторией. Ровно то же справедливо по отношению и к самым разным институтам — полиции, суду, армии, партиям, церкви, правительству, СМИ...

У нас во многом все по-другому — у нас проблемы с репутацией, с честью. А основные рычаги решения подобных проблем лежат в сфере культуры и собственной идентичности, в восстановлении доверия в обществе. А потом уже — все экономические и прочие показатели... Главное, чтобы снова на культурной и технологической карте мира появилась эта точка — Челябинск. А уж мир сам доделает нашу работу. Причем желательно нашими же собственными руками, признав нас партнерами... **БК**